

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

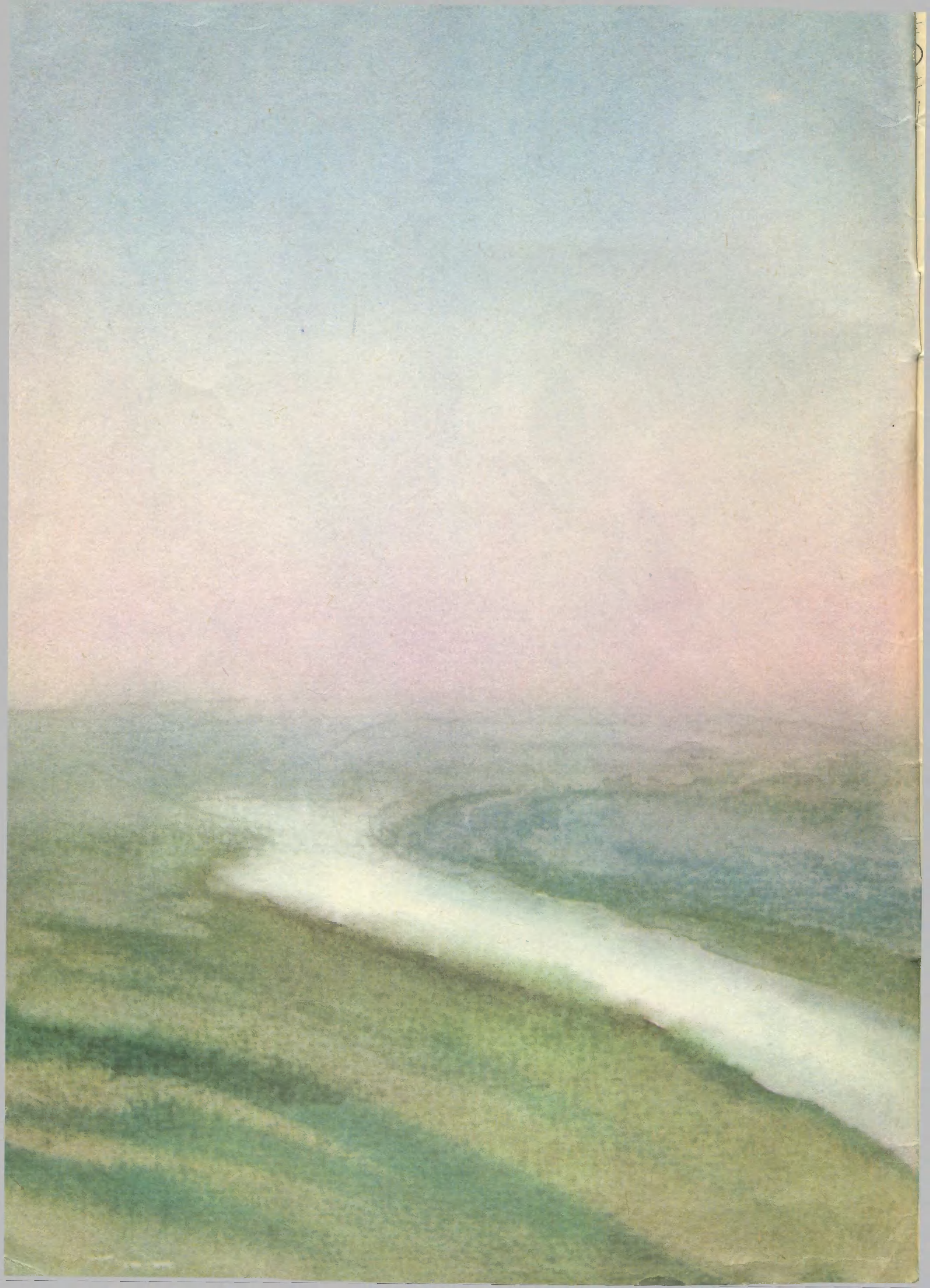

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА. ЧИТАЕМ САМИ

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

*Историческая
повесть*

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1987

Георгий Петрович Шторм (1898—1978) был историком и писателем.

Известность Георгию Шторму принесла первая повесть о предводителе крестьянского восстания Иване Болотникове. Её заметил и похвалил А. М. Горький.

Затем Георгий Шторм написал книгу «На поле Куликовом» — о победе русских войск над монголо-татарской ордой. В повести «Полтава» было рассказано о том, как русская армия под предводительством Петра Первого разгромила дотоле непобедимых шведов, которые вторглись на территорию нашей Родины.

Георгию Шторму также принадлежат повести-исследования о великом русском учёном Михаиле Ломоносове, выдающемся флотоводце Фёдоре Ушакове, писателе и бесстрашном борце с царским самовластием Александре Радищеве, поэтический перевод «Слова о полку Игореве».

Как историк, он подолгу искал, находил и тщательно изучал документы о прошлом нашей Родины, о событиях, которые произошли много столетий назад. И затем, на основе сведений, которые он собирал, Георгий Шторм создавал свои повести и рассказы. Они были написаны с такой обстоятельностью и точностью, будто Георгий Шторм сам жил в тяжкую пору татарского ига или был современником Ломоносова.

Произведения, созданные Георгием Штормом, открывают нам малоизвестные страницы отечественной истории, помогают ценить и любить прошлое нашего народа.

Рисунки Г. Волхонской

Шторм Г. П.

Ш92 На поле Куликовом: Историческая повесть/
Рис. Г. Волхонской.— Переизд.— М.: Дет. лит.,
1987.— 32 с., ил.— (Школьная б-ка. Читаем
сами).

10 к.

Историческая повесть о героической борьбе русского народа с монголо-татарскими завоевателями, завершившейся победой русского войска в 1380 году.

P2

Ш 4803010102—408
M101(03)87 410—87

© Иллюстрации.

Издательство «Детская литература», 1987 г.

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

В 1236 году, весной, с верховьев Иртыша и склонов западного Алтая двинулись войска монголов. Их кони имели в изобилии подножный корм и воду. Но кочевникам этого было мало. Они срубали вековые деревья, кормили листвою коней, а корою — баранов и оставляли позади себя пустыню, где уже более не росла трава.

Это была как бы перекочёвка. Десятки тысяч семейств гнали с собой стада, тащили военные орудия.

Их вёл внук завоевателя Чингисхана, сын старшего его сына, Батый.

Монголы покоряли на своём пути племена и народы и сколачивали из них новые боевые отряды.

Орды кочевников шли покорять Европу. За тринадцать лет перед этим им удалось дойти до Руси и выиграть битву на Калке. Монголы впервые столкнулись тогда с

русским народом. Они поняли, что народ этот храбр и опасен в бою, но постоянно страдает от междоусобиц. Они шли завоёвывать Русь, зная, что её отдельные и сильные княжества разрознены и не могут противостоять сплочённому врагу.

Вооружение монгольских орд состояло из кривых сабель, луков, стрел, секир и пик с крючьями для стаскивания с сёдел неприятельских всадников. Каждый воин имел при себе пилку для затачивания стрел (острия их, кроме того, закалялись в огне и затем заливались водой с солью), имел также иголки, нитки и сито для процеживания мутной воды.

Воинам отборных отрядов выдавались кожаные либо железные шлемы и щиты из варёной кожи буйволов. При осаде городов монголы надевали на себя кожаные будочки и подходили в них к самым крепостным стенам, неуязвимые для неприятельских стрел.

Монголы, или, как правильное их называть, монголо-татары¹, применяли стенобитные машины и пращи для метания камней. В армии монголов было много глиняных ядер с налитой в них нефтью, чугунных горшков, начинённых порохом, и «огненных копий», то есть зажигательных ракет. Они умели устраивать наводнения, вести подземные ходы и подкопы, разрушали стены городов, разбивая их каменными глыбами, и заваливали рвы мешками с землёю при помощи метательных машин.

Воины были разделены на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. В войске поддерживалась строжайшая дисциплина: за неисполнение приказа или бегство от врага грозила смертная казнь.

Монгольские войска не возили с собой фуража, и кони их обычно питались только травой. Отсюда возникла легенда, что монголо-татары кормят лошадей целого отряда одним мешком ячменя.

---

¹ Русские стали называть их просто татарами.

Все завоевания этого народа совершались главным образом конницей. В конном строю орда проходила бескрайние степи. Несметные конские табуны следовали за нею в тучах пыли, ибо каждый воин имел в походе до пяти и более запасных коней.

Конница была разделена на лёгкую и тяжёлую. Первая начинала битву метанием стрел и дротиков, вторая не занималась перестрелкой, а действовала лавой и наносила главный удар.

Армия монголо-татар имела правильный строй: в сражение вступали несколько линий, вводимых в бой постепенно; в самом конце битвы бросались на врага свежие резервы.

Приступая к осаде города, монголы окружали его частоколом; это служило защитой от вылазок осаждённых, от их стрел и камней.

Монголо-татарские воины были искусными стрелками из лука: на полном скаку они поражали врага без промаха и одинаково ловко спускали тетиву правой и левой рукой.

Они строили пирамидальные башни, иногда достигавшие высоты шестидесяти метров, и, взбираясь на них, наблюдали за жителями осаждённых городов.

При переходе горных ущелий они делали мосты из связанных железных копий.

Когда войскам приходилось передвигаться ночью, это совершалось в полном безмолвии: воины держали во рту тряпичные кляпы, и особые узды надевались на коней, чтобы они не могли ржать.

Целые тучи стрел посылали монголы на врага, стремясь не давать ему передышки.

Трупы убитых татарами людей были так утыканы стрелами, что видом своим напоминали ежей.

Монголы были хитры, ловки, изобретательны. Жестокостью и коварством они приводили в трепет встречавшиеся им на пути народы.

«Если осаждённый город не сдастся прежде того, как

начнут метать камни и стрелы, то по взятии вырубить оный» — так учили монгольские ханы, и правило это свято исполняли их войска.

* * *

Часть Батыевых сил двинулась к Средней Волге, победила мордву и сожгла главный город Булгарского царства близ устья Камы.

Остальная орда, пройдя Половецкую степь, разбив кабардинцев и половцев и сделав набег на Чернигов, осталась кочевать на притоках Дона, у рубежа Рязанской земли.

Батый решил напасть на северо-восточную Русь зимой, когда деревья уже сронили лист и в лесу легче избежать засады, когда болота и топи замерзают, а снег заносит крепостные рвы, облегчая взятие городов.

И вот легла зима. Пришли по санному пути к рязанским князьям Юрию и Олегу татарские послы и сказали:

— Дайте нам десятину (десятую часть) от всего, что имеете: от людей, оружия и коней.

А коней потребовали разных: белых, вороных, бурых, рыжих и пегих, потому что отряды татарской конницы различались по масти.

Рязанские князья выехали навстречу вражеской рати и отвечали:

— Когда нас всех не будет в живых, тогда всё ваше будет.

После этого орда хлынула потопом на Рязанскую землю «в бесчисленном множестве, как саранча».

Напрасно Юрий Рязанский просил Юрия Владимирского: «Или сам бы пришёл, или воинов своих прислал», — князь не сделал ни того, ни другого. Не помогли и северские и черниговские князья, не простившие рязанцам их отказа участвовать в битве на Калке. Не поддержанное никем, мужественное рязанское ополчение было разбито, и татары в декабре осадили Рязань.

Этот город находился в тридцати двух километрах по Оке от Рязани нынешней, называвшейся тогда Переяслав-лем Рязанским. Это была Старая Рязань.

Татары приступили к ней со стенобитными машинами, осадными лестницами и целыми отрядами метателей огня.

Горожане отчаянно защищались, но на шестой день осады враг разбил деревянные стены таранами и сквозь дым и пламя ворвался в город. Тысячи мужчин, женщин и детей были убиты. Одних рассекали мечами, других для забавы расстреливали из луков, третьих связывали и бросали в огонь.

Когда весь город был обращен в пепел и на пожарище не осталось «ни стонущего, ни плачущего», орда ушла дальше, за Оку.

ЛЕГЕНДА О КОЛОВРАТЕ

По преданию, в это самое время приехал в свой родной разорённый город рязанский боярин Евпатий Коловрат.

Сердце его сжалось при виде чудовищного разгрома. Быстро собрал он в окрестностях города тысячу семьсот человек и с небольшой этой дружиной бросился догонять орду.

Русские настигли татар в Суздальской земле, внезапно налетели на них и начали сечь без милости. Они рубили их так, что мечи рязанские тупились. Тогда дружинники хватали сабли татарские и поражали ими врагов.

Старинная «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит, что татары стояли, как пьяные; им казалось: это рязанские мертвецы восстали. С трудом смогли они захватить пять смельчаков, изнемогших от ран.

Их привели к Батыю, и хан спросил, кто они.

— Мы слуги князя Рязанского,— ответили пленные,— а воины Евпатиева полка. Нам велено проводить тебя с честью, как русские обычно провожают от себя чужеземцев: стрелами и копьями.

Тогда Батый послал шурина своего, Таврула, с сильным отрядом, чтобы уничтожить горсть храбрецов.

Предание говорит, что Таврул и Евпатий съехались один на один, но Коловрат, «исполин силою», рассек противника надвое, «до седла».

Татары ничего не могли сделать с отважной дружиной. Только окружив её и поставив на сани до ста метательных орудий, засыпав рязанцев камнями и стрелами, удалось им убить Коловрата и почти всех его людей.

Тогда собрались татарские мурзы во главе с Батыем и, оглядывая раненых пленников, стали говорить:

— Мы со многими царями во многих странах сражались, а таких удалцов не видали. Это люди крылатые и бессмертные — так крепко и мужественно они бьются: один — с тысячею, а два — с тьмою¹.

А Батый сказал:

— О Евпатий Коловрат, здóрово ты со своею малою дружиной меня пощипал, многих богатырей моих побил, и множество воинства моего от твоей руки пало! Если бы такой, как ты, у меня служил, держал бы я его у самого своего сердца.

И приказал выдать его тело израненным пленным рязанцам и отпустить их, не причиняя им никакого вреда...

Из Рязанской земли Батый двинулся на Владимир, но не прямым путём, а через Коломну и Москву.

Под Коломною он разбил владимирскую рать под начальством Всеволода, сына Юрия, а разорив Москву, взял в плен другого его сына — Владимира. Отступать к Москве Юрий больше не мог — этот путь был отрезан. Князь ушёл за Волгу собирать войско. А тем временем пали Вла-

---

¹ Тьма — по-древнерусскому счёту — десять тысяч.

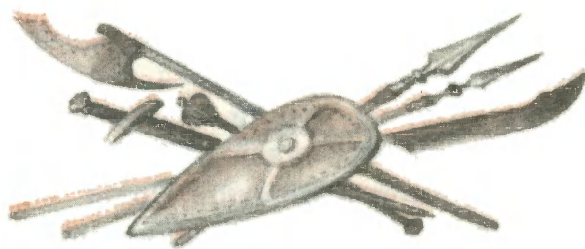
димир и Суздаль, и всё Владимирское княжество оказалось во власти татар.

«Солнце погребло по всей земле!» — горестно восклицали тогда русские летописцы. А народ слагал замечательные по глубине чувства и поэтичности «плáчи» о страданиях и бедах родной земли.

В одном из них говорится о князе Юрии, оплакивающим разорение русских княжеств и смерть сыновей.

«Солнце моё дорогое, месяц мой прекрасный, зачем так рано зашли? — жалуется князь. — Где честь и слава ваши? Над многими землями были вы господами, а ныне лежите на земле опустошённой... От страны к стране, от дубравы к дубраве — все плачьте со мною... Сколько погребло князей и великих храбрых удалцов!..»

Погиб и сам Юрий Всеволодович, князь Владимирский, не пожелавший пойти против татар вместе с Рязанью. Собрав в Суздальской земле войско, он встретился с ордой на берегах реки Сити, был разбит и сложил голову в неравном бою.

ТАТАРСКОЕ ИГО

Народ героически сопротивлялся нашествию. Но разрозненные русские княжества не могли сдержать лавину татарских полчищ и к 1242 году были покорены.

На Нижней Волге Батый основал столицу татарского ханства, в состав которого вошли болгарские земли, часть Средней Азии, Северный Кавказ и Таврида. Ханство это стало известно под именем Золотой Орды.

Русские княжества попали в зависимость от золотоордынских ханов и должны были платить им дань.

Дань эта называлась «выходом», потому что, получив её, татары выходили из русских владений, то есть соглашались не разорять их. Но уже одна эта дань была сущим разорением для народа. А татары ещё обложили особыми пошлинами рабочий скот, пашни, мосты, реки и озёра — всё, что могло принести доход.

Данью было обложено всё мужское население. Во времена Батыя «каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, давал дань».

Первоначально её собирали татарские сборщики — «баскаки» и «бесермены». Они отвозили в Орду определённую сумму, а всё, что выжимали из народа сверх этого, брали себе.

У каждого, кто имел троих сыновей, отнимали одного. Татары составляли из покорённого населения военные отряды; уводили в Золотую Орду ремесленников и принуждали их там работать; некоторых переселяли в Среднюю Азию, Монголию и Китай.

Народ не раз восставал против своих угнетателей.

В 1262 году, не стерпя «лютого томления бесерменского», жители Суздаля, Ростова, Владимира, Ярославля и Переяславля ударили в вечевые колокола и выгнали «бесерменов» из городов.

В 1289 году народ вторично выгнал татар из Ростова.

В 1327 году восстала против монголо-татарского гнёта Тверь.

Ордынский посол Чол-хан, которого русские летописи и былины называют Шевканом и Щелканом, притеснял и грабил тверитян.

Брал он...
С князей... по сту рублёв,
С бояр по пятидесяти,
С крестьян по пяти рублёв;
У которого денег нет,
У того дитя возьмёт;
У которого дитя нет,
У того жену возьмёт;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмёт.

От посла не отставала его свита. Жители Твери страдали от унижений и насилий. Они несколько раз жаловались своему князю, но тот не мог и не смел их оборонить.

Тогда народ сам расправился с грабителями. Поводом к этому послужил очередной грабёж.

Ранним осенним утром местный дьякон поил на Волге кобылу. Татары начали отнимать лошадь. Дьякон закричал:

— Тверитяне, не выдайте!

Сбежались горожане и стали избивать татар.

Загудели колокола тверских звонниц, и восстал весь город. Были убиты Чол-хан и все бывшие с ним в Твери татары. Уцелели только татарские пастухи, пасшие в поле коней...

Народ восставал против иноземных завоевателей. Но все его попытки были жестоко подавляемы: татарские ханы пользовались разрозненностью Русской земли. Тяжкое, позорное иго тяготело над Средней Азией, Закавказьем и Восточной Европой.

Немало русских князей сложили в Орде свои головы. Отправляясь туда на поклон к хану, князья прощались с жизнью, писали духовные завещания. Вынужден был ездить в Орду, в далёкое Забайкалье, и победитель шведов и ливонских рыцарей Александр Невский. А между тем мужество этого князя было настолько хорошо известно татарам, что они именем его пугали своих детей.

Но время шло. Московские князья Иван Калита и его сын Семён повели ловкую политику. Они добились от золотоордынских ханов признания своего старшинства над прочими князьями и получили право собирать для Орды дань со всех русских земель.

Часть собранной дани они сами отвозили в Орду, а часть тайно удерживали. На эти деньги они вооружались, строились и расширяли свои владения приобретением целых областей, городов и сёл.

Московские князья «собирали» отдельные княжества в единое государство. Иногда они силой подчиняли их, не останавливаясь ни перед чем для достижения своей цели.

Но так совершалось великое дело: разрозненные земли объединялись, Москва возвышалась и крепла. Русский народ накапливал силы, чтобы сбросить ханское ярмо.

МАМАЙ ИДЕТ НА РУСЬ

Внук Ивана Калиты, московский князь Дмитрий Иванович продолжал расширять и укреплять Московское государство, успешно борясь со всеми соперниками Москвы.

Одержав ряд побед — над Тверью, Рязанью, Новгородом и Литвою, — он решил наконец выступить и против угнетателей Руси, золотоордынских ханов. Время для этого настало. Пора междоусобных княжеских войн близилась к концу.

Уже многие русские князья были обязаны помогать московскому князю в борьбе с татарами. «Биться нам всем против них заодно» — так договаривался, например, Дмитрий Иванович с тверским князем. А тем временем, пока Русь всё более крепла, Золотая Орда ослабевала из-за постоянных внутренних смут.

В шестидесятых годах XIV века большую силу в Орде

приобрёл военачальник Мамай. Он командовал десяти-тысячным войском (тьмою), и потому на Руси его называли «темником». Он ставил и свергал ханов по своему усмотрению и от их имени управлял Ордой.

Мамай сумел усилить её и навести в ней порядок. Но это не остановило московского князя. В союзе с тестем своим, Дмитрием Нижегородским, он совершил несколько походов в подвластное татарам Поволжье.

В 1376 году московская и нижегородская конница под начальством волынского воеводы Боброка двинулась на Великий Булгар.

Город этот был столицей одного из четырёх ханств, составлявших в XIV веке Золотоордынское государство. Три другими столицами были в то время Азов, Наручат и Сарай-Берке. Нападать на Булгар было всё равно что на Золотую Орду.

Булгарское войско вступило в бой верхом на верблюдах, с целью испугать этим русских коней. Но верблюды были загнаны в город, и русские овладели Булгаром. Жители его должны были просить мира, и московский князь наложил на них дань.

Тогда Мамай понял, что Москва перешла в наступление. Он решил положить ему предел в самом начале и послал два войска на северо-восточную Русь.

Одно из них разорило и сожгло Нижний Новгород; другое, более сильное, под начальством мурзы Бегича двинулось на Москву.

Дмитрий опередил эту рать и встретил её в Рязанской земле, на берегах притока Оки — реки Вожи. Здесь 11 августа 1378 года татары были разбиты и бежали в степи, побросав множество своих кибиток и телег.

Союзные силы князей одержали над своим заклятым врагом первую большую победу. Так началось решительное сопротивление русского народа власти Золотой Орды.

Но Мамай не забыл поражения своей рати. Он созвал своих воевод и мурз, объявил себя ханом и летом 1380 года двинулся на Русь со всею ордой.

Перед началом похода он разослал приказ по золотоордынским владениям — улусам: «Пусть никто не смеет сеять хлеб, готовьтесь на хлебá в Русской земле».

Он собрал огромные татарские и половецкие силы; нанял отряды хорезмийцев, черкесов, буртасов, живших на Средней Волге, и генуэзцев, обитавших в Крыму.

Затем, заключив союз с литовским королём Ягайло и князем Олегом Рязанским, он прикочевал с ордой к устью реки Воронежа, то есть к границам Рязанской земли.

Тогда Дмитрий разослал грамоты ко всем русским князьям, призывая их идти к нему на помощь со своими дружинами. И вскоре начали собираться в Москву ратные люди под начальством многих тяготевших к Москве князей. Раньше всех явился двоюродный брат Дмитрия — Владимир Андреевич Серпуховский. Затем прибыли князья белозерские; пришли удельные ярославские, ростовские и устюжские князья.

Но никто из сильных, богатых князей не отозвался на призыв Дмитрия. Все они либо боялись татар, либо не хотели способствовать дальнейшему возвышению Москвы.

Не явились ни смольняне, ни новгородцы. Не прислали помощи ни Тверь, ни Нижний Новгород. Москва должна была защищать Русскую землю только теми силами, которые она успела объединить.

Между тем от Мамайя прибыли послы и потребовали дани, какую Русь платила ханам прежде. Тогда собрался совет бояр и прибывших в Москву князей. Чтобы выиграть время, решили отпустить послов с дарами и послать хану мирный договор, а тем временем спешно готовиться к обороне. Но вслед за тем стало известно, что Мамай хитрит и готовит удар на Москву, как только встретится с Ягайло и Олегом.

Тогда было решено идти навстречу татарам в самые степи и предупредить соединение вражеских сил.

НАВСТРЕЧУ ОРДЕ

20 августа 1380 года русское войско выступило в поход.

Вся Москва провожала уходящих воинов.

Тихий тёплый ветер колыхал стяги. Всюду, куда только доставал глаз, виднелись шлемы с остроконечными вершушками; блистали кольчужные брони, прямые мечи и кривые сабли; мелькали копья, секиры, луки, колчаны, красные русские щиты.

Чтобы не было тесноты в пути, войско двинулось тремя дорогами: одна рать пошла на Серпухов, другая — к Старой Кашире, третья — к селу Брашеву, где был перевоз через Москву-реку.

Князю Дмитрию Ивановичу в то время было не более тридцати лет. Он был горяч и отважен в бою и крепко верил в успех предстоящей битвы. Отчасти поэтому взял

он с собою в поход девять гостей-сурожан — купцов, торговавших шёлком с крымским городом Сурожем (Судакком), которым в XIII веке завладели генуэзцы. «Пусть поведают в дальних землях о том, что случится», — сказал князь Дмитрий. Но сурожане, хорошо знавшие степь, были полезны и как проводники.

А впереди русского войска давно уже выслеживали татар и приглядывались к местности два сильных сторожевых отряда. Дмитрий послал их «под самую орду Мамаеву» добывать вестей. Вести же были такие, что Мамай не торопится, так как ждёт прихода Ягайло, и тянет время до осени, когда поля на Руси будут убраны и орда сможет грабить крестьянский хлеб...

24 августа ополчение подошло к Коломне, где был назначен сбор всех русских сил.

Здесь к Дмитрию неожиданно явилась помощь: пришли с дружинами двое князей Ольгердовичей, родные братья Ягайло, — Андрей, княживший в Пскове, и Дмитрий Брянский. Князья эти были одной веры с русскими; в своё время они бежали из Литовского княжества и теперь зависели от Москвы.

Был в войске Дмитрия и отважный воевода Боброк-Волынец, тот самый, который одержал над волжскими булгарами большую победу. Многих выходцев из разных княжеств привлекала тогда к себе Москва.

Тем временем Ягайло в союзе со шведами и жмудинами пришёл к Одоеву и стал на берегах Упы. Он ждал Олега Рязанского, но тот, проведав о численности войск, собравшихся под знамёна московского князя, медлил, не зная сам, на чью сторону ему стать.

26 августа, утром, войско выступило левым берегом Оки и остановилось, дойдя до устья реки Лопасни. Здесь присоединились к нему новые, посланные из Москвы отряды. Всей рати было около ста пятидесяти тысяч. Такой могучей силы ещё никогда не выставляла Русская земля.

От Лопасни рать двинулась прямо к Верхнему Дону,

направляясь вдоль западных границ Рязанского княжества.

Московский князь строго приказал ратникам не обижать жителей, чтобы и они не вредили войску, оставаясь в тылу.

— Кто идёт по Рязанской земле, да не смеет ни к чему прикоснуться! — так сказал он.

Приблизившись к Дону, Дмитрий остановил полки у села Березуй.

Туда пришло множество пешего воинства — ремесленников, крестьян и торгового люда из разных городов и сёл русских, находившихся поблизости. Летописец говорит: «Страшно было видеть эти толпы людей, идущих в поле против татар».

От пойманного татарина русские узнали, что Мамай недалеко, но подвигается медленно, так как ждёт Олега и Ягайло; о близости же московской рати у него вестей нет.

Тогда собрались князья и воеводы, чтобы решить, где биться с врагом. Некоторые считали, что не надо переходить реку, оставляя у себя в тылу Литву и Рязань; в случае неудачи, говорили они, легче будет уйти во свояси.

Но Дмитрий сказал:

— Братья, лучше честная смерть, чем позорная жизнь. Перейдём за Дон и все там положим свои головы за братьев наших!

И Ольгердовичи его поддержали.

— Если перейдём на ту сторону, — сказали они, — воины будут знать, что отступать и бежать некуда, что надо только победить или лечь костью.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

7 сентября, в пятницу, русское войско придвинулось к самому Дону и к речке Себенке. Дмитрий велел на рубить деревьев, наломать хвороста в окрестных дубравах и наводить мосты для пеших воинов. Конница же должна была перейти вброд.

Вскоре прискакал со своим отрядом разведчиков воевода, только что бившийся с передовыми татарскими всадниками.

— Мамай перешёл Дон, стоит на Гусином броду, одна ночь пути между нами! — сказал он.

Хан спешил помешать русским перейти Дон до прихода Ягайло. А жмудины и шведы уже шли от Одоева навстречу орде.

К ночи русские перешли Дон и расположились на лесистых холмах при впадении в него Непрядвы.

За холмами лежало раздольное Куликово поле, пересечённое речкой Смолкой. За нею, на противоположных холмах, разбила свой стан орда Мама; она пришла ночью, но опоздала: русские уже перешли реку.

Окрестности Куликова поля были овражисты, покрыты кустарниками, рощами, лесными зарослями. На самом высоком месте поля — Красном холме — стоял шатёр хана, около него — шатры его военачальников: темников, мурз и воевод.

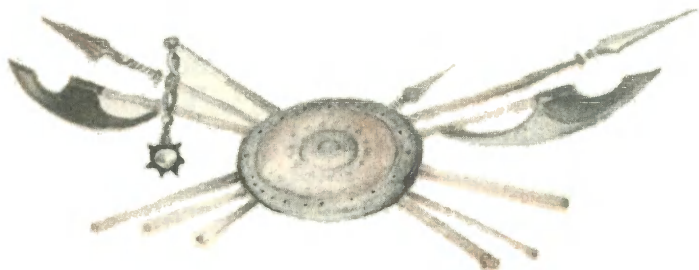
Ночью Дмитрий Иванович вместе с Боброком-Волынцем выехали на Куликово поле. В глубокой тишине слушали они, как гудит тысячами голосов татарский стан.

Тихо было в русском лагере.

Не многие спали в эту ночь перед битвой. Воины молча ожидали наступления утра, которое решит судьбу родной земли.

Татарский же стан рокотал, как море. Казалось, несметные толпы народу сошлись на торжище, где продают и меняют пленников, волов и коней.

Уже звери сбегались, чуя поживу. Где-то были волки и клетали хищные птицы. Тревожно кричали лебеди на Непрядве. Далеко было слышно, как скрипят телеги. Облако пара стояло над ордой...

БИТВА

Утро 8 сентября началось густым туманом. Мгла мешала видеть расположение враждебных ратей. Только трубы трубили с обеих сторон.

Часу в десятом туман начал редеть. Солнце осветило пять русских полков, выстроившихся перед битвой. Правым своим крылом они упирались в овраги и заросли речки Нижнего Дубяка, впадающего в Непрядву, а левым — в крутые берега Смолки. Почти все пешие воины были выставлены в передовой («большой») полк.

Шестой — конный запасный — под начальством Владимира Андреевича Серпуховского и Боброка-Волынца был отправлен в засаду. Он стал за левым крылом в густой дубраве над речкой Смолкой. Князь Дмитрий выбрал это место очень удачно: отряд мог легко поддержать левое крыло, где было много новых, необученных воинов;

кроме того, он прикрывал обозы, а также мосты, наведённые через Дон.

Князья и воеводы сказали Дмитрию:

— Тебе следует стоять в стороне и смотреть на битву. Если же тебя лишимся, то станем как стадо без пастуха: придут волки и распугают нас.

Но князь ответил:

— Если я вам глава, то впереди вас хочу и битву начать. Умру или жив буду, но вместе с вами!

Потом он снял с себя золототканый плащ, надел его на своего приближённого, боярина Михаила Брянюка, и приказал возить за ним своё чёрное великокняжеское знамя. Сам же покрылся простым плащом и пересел на другого коня. Около одиннадцати часов утра русские войска двинулись на орду. Ревели натянутые ветром стяги, и веяли, словно живые, знамёна; в блеске доспехов полки колыхались, как тяжёлые волны; земля стонала от множества воинов; шлемы их рдели, как жар.

Рать быстро спустилась с холма в ложину, откуда вытекала речка Смолка, и стала «на поле чистом, на месте твёрдом». В татарском стане было время обеда. Враг не ожидал такой смелой атаки и поспешил выступить, побросав свои котлы.

Обе великие рати начали сходитьсь в ложине. Впереди московского войска шли простые русские люди, не имевшие ни лат, ни кольчуг, ни шлемов; они должны были принять на себя первый удар.

Передовой татарский полк также состоял из пеших; это были главным образом гентуэзцы. Он двигался густою колонной; при этом воины задних рядов клали свои более длинные копья на плечи передним. Затем обе рати остановились: стена против стены.

Из полков выехали единоборцы: со стороны русских — инок Троице-Сергиева монастыря Пересвет, от татарского войска — великан Челубей. Они ударили друг друга копьями, и оба упали с коней мёртвыми.

Тогда Дмитрий сказал:

— Уже гости наши близко! Пришло время нам пить чаши!

И началась битва. Мамай следил за нею с Красного холма...

Русский народ сохранил память об этой великой сече в торжественных словах своей летописи:

«На поле Куликовом, между Доном и Мечею, сошлись сильные полки; кровавые ручьи вытекли из них; от блеска мечей и сабель затрепетали синие молнии, и треск множества копий раздался, как гром...

Полилась на кованные сёдла кровь, засверкали булатные сабли около голов богатырских, покатались золочёные шлемы на землю, и пали коням под копыта головы многих богатырей...»

Скоро воинам стало тесно. Ратники задыхались, а наступиться им было негде.

«Копья ломались, как солома,— говорит русская летопись,— пыль закрывала солнце, дождём падали стрелы».

Князь Дмитрий бился, как рядовой воин, и поразил насмерть ханского племянника Тулун-бека. Ни на чьей стороне не было перевеса. Русские одолевали в одном месте, татары — в другом.

Но вот пешая русская рать вся полегла, «как сено, посечённая, как деревья, сломившись». Татары стали напирать на главные силы русских — на полки московский, суздальский и владимирский. Они прорвались к большому чёрному знамени московского князя, которое возили за боярином Михаилом Бряноком, подсекли древко знамени и убили самого боярина. Но русские воеводы успели снова сомкнуть «большой» полк.

Дмитрий поставил свои войска так, что татары не могли охватить их ни с какой стороны. Им оставалось только прорвать русский строй и тогда уже напасть с тыла. Не добившись успеха в центре, они бросили запасную тяжёлую конницу на левое крыло.

Оно стало подаваться назад, и над центром нависла угроза быть обойдённым с фланга и тыла. Всё русское

войско было бы отрезано от Дона и прижато к Непрядве.

Татары знали, что левое крыло слабее, и направили туда свой главный удар.

Между тем засадный полк продолжал стоять в дубраве и не вступал в битву. С бьющимися сердцами следили воины Владимира Андреевича Серпуховского и Боброка-Волынца, как бились с врагом «за свою великую обиду» русские удалцы.

Затаив дыхание дожидались своего часа спрятанные в засаде люди. Некоторые из них, чтобы лучше видеть, взобрались на деревья. Было слышно, как ветка хрустит под конским копытом и сухой лист, шурша, падает на седло.

Сквозь поредевшую листву жадно смотрели воины на Куликово поле. Низко опускали они головы, когда татары крючьями стаскивали их братьев с коней на землю и пробивали красные щиты копьями; радостно вздыхали, когда катились на траву вражеские шлемы и начинали гулять русские сабли по «синим плешам» — по бритым татарским головам...

— Какая польза от нашего стояния? — стали ворчать наиболее нетерпеливые. — Кому мы станем помогать, когда все изрублены будут наши полки?

— Подождите ещё немного! — сдерживал их Боброк. — Будет вам с кем пить и веселиться!

А жестокая битва длилась уже около двух часов. Стоило огромных усилий смотреть на неё и оставаться в бездействии. Врагу ещё помогало то, что солнце ударяло русским в глаза и ветер дул им в лицо.

Уже на сторону татар склонялась победа. Уже раздавались их весёлые гортанные клики...

Но вот солнце переместилось в небе, и в другую сторону потянул ветер. В то же время расстроенное левое крыло русских и теснившая его татарская рать поравнялись с местом, где стояла засада.

— Теперь наше время! — воскликнул Боброк и вытащил меч из ножен.

Запела труба. И, как соколы на журавлиную стаю,

ринулись русские на татар. Засадный полк, придя на помощь главной рати, добыл победу в течение часа. Орда, не ожидавшая натиска, дрогнула и под напором всего русского войска стала отходить.

На спуске с Красного холма, допятившись уже до своих таборов, татары, подкреплённые охранной сотней самого Мамай, остановились было и снова завязали бой. Но русские сбили их с поля и начали с флангов охватывать противника.

Тогда закричали татары:

— Горе нам! Они оставили самых удалых князей и воевод в засаде! Наши же руки ослабели, и колени оцепенели, и кони наши утомлены. Кто может против них устоять? Горе тебе, великий Мамай! Всех нас погубил ты напрасно!

Орда обратилась в бегство. Загрохотали телеги. С рёвом помчались верблюды. Мамай, его мурзы и остатки ордынцев на свежих конях бросились в степь...

К вечеру путь до реки Красивой Мечи был устлан татарскими трупами. Русские преследовали врага до ночи. Много татар погибло при переправе, и лишь немногие из них выбрались на другой берег реки.

Враг был разбит. Были разбиты и бежали все его наёмные отряды. Узнав о поражении Мамай, бежали «не путём, не дорогою» и Ягайло, и рязанский князь Олег.

Тем временем князь Владимир Андреевич «стал на костях» — так говорилось в старину о победителе, занимавшем поле сражения.

На месте побоища победно трубили трубы. Развевалось чёрное великокняжеское знамя. Со всех сторон съезжались к нему русские воеводы и князья.

Самого же Дмитрия нигде не было видно. Долго искали князя, но поиски были тщетны. Наконец два костромских воина, Сабуров и Хлопищев, нашли его. Без памяти лежал Дмитрий под срубленным деревом, накрытый листвою. Доспехи князя были иссечены, но крепкие шлем и броня спасли его от глубоких ран.

Семь дней провели победители на Куликовом поле, хороня убитых героев в братских могилах. Семь дней стучали топоры в окрестных дубравах: многие воины мастерили гробы-колоды, чтобы увезти своих павших товарищей и предать их тела родной земле...

Русская рать возвращалась со славой и богатой добычей.

Крестьянские парни, девушки и древние старики стояли по обочинам дорог и низко кланялись славному войску.

Народ спокойно свёз с полей урожай, на который недавно зарились чужеземцы. Весть о победе летела по землям, за рубежи русских княжеств, на запад и на восток.

По народному сказанию, татары после проигранной ими битвы стали говорить:

— Уже нам, братья, в Русь войной не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать.

И хотя они ещё целых сто лет «хаживали» на Русь и «прашивали» у русских людей «дани-выхода», но уже не могли угнетать их по-прежнему и боялись встречи с ними в открытом бою.

Не пытались больше скрестить оружие с русскими и генуэзцы. В том же 1380 году — по-видимому, за участие в Куликовской битве — золотоордынский хан закрепил за ними всё крымское побережье. И хотя плата наёмникам оказалась высокой, они, вспоминая об этом походе, называли его «несчастнейшей войной»...

Благодарный народ назвал князя Дмитрия — Донским и Владимира Серпуховского — Храбрым. Эти князья совершили подвиг, нанеся страшный удар могуществу Золотой Орды.

Все народы, подвластные татарским ханам, воспрянули духом после Куликовской победы.

Значение её было огромно.

Великий русский народ твёрдо понял, что его сила — в единстве, и неудержимо потянулся к избавительнице от чужеземного гнёта — Москве.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нашествие Батыя	3
Легенда о Коловрате	8
Татарское иго	12
Мамай идёт на Русь	16
Навстречу орде	19
На поле Куликовом	22
Битва	24

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ

Георгий Петрович Шторм

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Историческая повесть

Ответственный редактор *С. П. Мосейчук*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *М. В. Газарина*
Корректор *Е. В. Куликова*

ИБ № 9795

Сдано в набор 21.01.87. Подписано к печати 29.06.87. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офсет. № 1.
Шрифт школьный. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 1,78. Ти-
раж 750 000 экз. Заказ № 1477. Цена 10 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект
50-летия Октября, 46.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает
для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».

В 1987 году вышли и выходят такие книги:

Пушкин А.
ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Стихи.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА.

Русские сказки

в обработке А. Н. Афанасьева.

Толстой Л.
КОТ С БУБЕНЦОМ.

Басни.

В книгу вошли басни

«Муравей и голубка», «Белка и волк»,

«Кот с бубенцом» и др.

Барто А.
ЗВЁЗДОЧКИ В ЛЕСУ.

Весёлые стихи об октябрятах, живущих
в пионерском лагере, о том, как они дружили,
отдыхали, ходили в походы.

Бонч-Бруевич В.
ЛЕНИН И ДЕТИ.

Рассказы из цикла «Наш Ильич».

Высотская О.
НАД РЕКОЙ ОКОЙ.

Стихи о школе,
о первоклассниках-октябрятах.

Катаев В.
СКАЗКИ.

В книгу входят две
широкоизвестные сказки
«Цветик-семицветик»
и «Дудочка и кувшинчик».

Мамин-Сибиряк Д.
СКАЗКА ПРО КОМАРА КОМАРОВИЧА —
ДЛИННЫЙ НОС
И ПРО МОХНАТОГО МИШУ —
КОРОТКИЙ ХВОСТ

Из сборника «Алёнушкины сказки».

Шварц Е.
ДВА БРАТА.

Сказка о том, как трудно бывает
исправить свою вину.

И какие трудности
может преодолевать любовь.